КОНЦЕПЦИЯ «ДРУГОГО» В РОМАНЕ ЗОРЫ НИЛ ХЕРСТОН «THEIR EYES WERE WATCHING GOD»

Ю. А. Афанасьева

*Белорусский государственный университет,
ул. Карла Маркса, 31, 220030, г. Минск, Беларусь, 5902053@mail.ru*

Сквозь призму преимущественно диалогического подхода к Другому рассматривается роман афроамериканской писательницы Зоры Нил Херстон «Their Eyes Were Watching God». На основании результатов исследования доказывается, что концепция Другого реализуется как на языковом уровне романа (противопоставление вернакуляра и литературного языка), так и на уровне системы персонажей (Дженни как Другая в оппозиции мужчина/женщина, белокожая раса / темнокожая раса, имеющая голос / не имеющая голоса). Обосновано, что диалог между Я и Другим является основой художественного произведения и целенаправленно используется писательницей для конструирования самодостаточной личности женщины-афроамериканки.

Ключевые слова: Другой; концепция; инаковость; раса; гендер; диалог.

Постклассическая европейская философия переосмысляет концепцию Другого, зачатки которой возникают ещё в античности. Для понимания данной концепции важны идеи Мартина Бубера, Эдмунда Гуссерля, Эммануэля Левинаса, Габриэля Марселя, Жана-Поля Сартра. В понимании М. Бубера, «Другой – то, что не есть Я, иное по отношению ко мне, равный мне субъект, обладающий свойствами личности» [1, с. 39]. Он делает акцент на межличностных отношениях: «...становясь Ты, человек становится Я» [2, с. 32]. Э. Гуссерль известен понятием интерсубъективности, в котором ставится вопрос актуализации Другого через Я [3]. Э. Левинас говорит о гипостазисе как о схватывании Я своего существования. Другой в его концепции – принципиально непознаваемое событие, «лицо», «посещение» [4]. Г. Марсель употребляет понятие «тайнства», чтобы описать взаимоотношения между Я и не-Я – первое осознаёт Другого как собственную инаковость [5]. Классический экзистенциализм Ж.-П. Сартра акцентирует внимание на конфликте между Я и Другим [6]. Стоит отметить, что в постструктурализме, представленном работами Ж. Делеза [7], Ж. Деррида [8], Ж. Лакана [9], М. Фуко [10] и др., Я трактуется в качестве постоянной самоинтерпретации, которая неразрывно связана с интерпретацией мира Другим.

Важной характеристикой Другого является его инаковость. Иногда эти понятия рассматриваются в качестве синонимичных, однако их стоит разграничивать. С одной стороны, инаковость – это имманентное свойство Другого, способ его репрезентации в объект-субъектной оппозиции «Я-

Другой». В этом смысле интерес к Другому возникает именно в силу его инаковости. С другой стороны, Иной «есть полюс диалектического противоречия по отношению к Я, из общения с которым способно, если верить диалектикам, возникнуть нечто новое» [11, с. 120]. Это – потенциальный Другой, предполагающий как диалогические отношения с Я, так и отказ от них. Крайняя стадия отчуждённости Иного – Чужой, «отсутствующий» при акте коммуникации.

Концепция Другого активно разрабатывается и в иных областях человеческого знания: «Политические теории сконцентрированы на изучении классовых Других; феминизм исследует женскую друговость; эстетика изучает художественную инаковость; психоанализ требует рассмотрения Другого-внутри-себя; Другой подвергается интерпретации и в литературоведческой практике» [12, с. 74]. Новый способ осмысления концепции Другого в литературе принадлежит известному литературоведу М. М. Бахтину. Если Ж.-П. Сартр говорит о «бытии-для-других», отмечая онтологический конфликт в качестве основополагающей характеристики социальных отношений, то М. М. Бахтин предлагает концепцию «бытия-для-себя», где Другой – неотъемлемая часть диалога, через которую происходит самоактуализация его субъектов. «Подлинная жизнь личности, – пишет М. М. Бахтин, – совершается как бы в точке <...> несовпадения с самим собою, в точке выхода его за пределы всего, что он есть как вечное бытие» [13, с. 100]. Исследователю принадлежит идея диалогичности текста, который, в свою очередь, является источником диалога культур. Диалогический способ познания мира является, согласно М. М. Бахтину, наиболее продуктивным.

Отражение изложенных идей можно увидеть в романе Зоры Нил Херстон «Их глаза видели Бога» («Their Eyes Were Watching God», 1937). Будучи «Другой» для афроамериканского общества своего времени, писательница предлагает диалогический путь «ненасилия», с помощью которого успешное взаимодействие чёрного и белого населения, мужчины и женщины может стать возможным.

Позиция инаковости заметна уже на языковом уровне романа: афроамериканский вернакуляр, на котором говорят герои З. Н. Херстон, противопоставляется литературному английскому языку, которым пользуется рассказчик, и взаимодействует с ним. В результате конструктивного диалога двух культур возникает художественное произведение, констатирующее самобытность афроамериканского мировоззрения наравне с европейским.

Проблема инаковости Дженни рассматривается в двух плоскостях: гендерной и расовой. Кроме того, может быть принят во внимание и политический аспект: героиня приобретает свой голос, способность выражать

своё мнение и аудиторию, которая её слушает, в отличие от остальных женщин её окружения, которые по-прежнему молчат [14].

«The subaltern cannot speak. There is no virtue in global laundry lists with 'woman' as a pious item» [14, с. 306], – так говорит Гаятри Спивак о женщинах, занимающих подчинённое положение в обществе. Симона де Бовуар первой ставит вопрос о женском субъекте, актуализируя проблему мужского доминирования в политическом дискурсе [15]. Она обращает внимание на сконструированность «второго пола», его вторичность, обусловленную репродуктивными функциями. Она – социальный и гендерный конструкт, «Другая». Инаковость Дженни можно рассматривать с позиций постколониального феминизма, где женщина оказывается объектом расовой и половой дискриминации одновременно.

Изначальным носителем стереотипных, а потому неправильных гендерных понятий является бабушка Нэнни. Жертва насилия, она, как и её дочь Лифи, не в состоянии отказаться от сулящих безопасность устойчивых социальных конструктов. Нэнни насильно выдаёт внучку замуж, потому что «Tain't Logan Killicks Ah wants you to have, baby, it's protection. Ah ain't gittin' ole, honey» [16, с. 47]. Она считает, что таким образом может уберечь Дженни от позора, если та повторит судьбу своих предшественниц. Подчинённое положение женщины усугубляется рабством: «You know, honey, us colored folks is branches without roots and that makes things come round in queer ways. <...> Ah was born back due in slavery so it wasn't for me to fulfill my dreams of whut a woman oughta be and to do. Dat's one of de hold-backs of slavery» [16, с. 48]. Выполнение надлежащих действий в молчании без права выбора – вот вариант безопасного существования Нэнни, всё остальное может быть лишь в мечтах. Однако внучка выбирает свободу: послушавшись совета, не оправдавшего ожиданий, она сама «выстраивает диалог» с людьми, которых встречает.

По отношению к своим мужьям Дженни выступает как Другая, однако диалог с каждым из них происходит (или не происходит) по-разному. Её стремление к чувственной любви, равенству с мужчинами и независимости от них может трактоваться в качестве «the gothic trope of monstrosity» [2, с. 186] – синтетическая природа романа позволяет говорить о некоторых готических чертах в поведении Дженни: «роковой» женственности, сакральной связи с природой и силе слова. Логан Килликс, первый муж шестнадцатилетней девушки, смотрит на неё так же, как на мула: «You ain't got no particular place. It's wherever Ah need yuh. Git uh move on yuh, and dat quick» [16, с. 64]. Он будто бы покупает Дженни у её бабушки, чтобы девушка смотрела за хозяйством. Ей хватает силы уйти к другому, более перспективному, на её взгляд, мужчине. Однако отношение Джоди

Старкса к жене не слишком отличается: второй муж позволяет себе публично унижать жену в лавке, поднимать на неё руку, контролировать каждый шаг женщины. Он прячет её волосы под повязкой, что может трактоваться как подавление природной феминности Дженни в угоду безопасности власти Джоди. Подобному поведению приходит конец, когда Дженни перечит мужу на глазах у его посетителей: «Naw, Ah ain't no young gal no mo' but den Ah ain't no old woman neither. Ah reckon Ah looks mah age too. But Ah'm uh woman every inch of me, and Ah know it. Dat's uh whole lot more'n you kin say. You big-bellies round here and put out a lot of brag, but 'tain't nothin' to it but yo' big voice. Humph! Talkin' 'bout me lookin' old! When you pull down yo' britches, you look lak de change uh life» [16, с. 119]. Обретая голос, женщина-Другая способна дать отпор мужчине: «But Janie had done worse, she had cast down his empty armor before men and they had laughed, would keep on laughing» [16, с. 120]. Джоди заболевает якобы от порчи, хотя на самом деле его политическая и маскулинная власть подорваны, а без этого он не может существовать. Перед смертью Джоди узнаёт правду о том, что думает о нём Дженни: «You changes everything but nothin' don't change you – not even death. But Ah ain't goin' outa here and Ah ain't gointuh hush. Naw, you gointuh listen tuh me one time befo' you die. Have yo' way all yo' life, trample and mash down and then die ruther than tuh let yo'self heah 'bout it. Listen, Jody, you ain't de Jody ah run off down de road wid. You'se whut's left after he died. Ah run off tuh keep house wid you in uh wonderful way. But you wasn't satisfied wid me de way Ah was. Naw! Mah own mind had tuh be squeezed and crowded out tuh make room for yours in me» [16, с. 127]. Другой-Дженни при коммуникации с третьим мужем не становится Чужим – Ти Кейк принимает её за равного себе индивидуума. Диалог начинается с эпизода, в котором мужчина предлагает женщине сыграть в шашки: «He set it up and began to show her and she found herself glowing inside. Somebody wanted her to play. Somebody thought it natural for her to play. That was even nice» [16, с. 137]. Он требует от Дженни ответа, когда разговаривает с ней: «Answer me when Ah speak» [16, с. 232]. Диалог Я и Ты между мужем и женой является тем типом отношений, через которые, по М. Буберу, раскрывается Бог [4]. Именно Ти Кейк учит Дженни смотреться в зеркало, любоваться собой, а значит, и узнавать себя через Другого, принимать его. Смерть мужчины становится катализатором самопознания Дженни: ей нужно искать Другого в себе, а не вне себя. Она не чувствует себя отчуждённой, следуя за своими эмоциями и чувствами. Другой и Я Дженни сливаются воедино – так рождается гармоничная личность.

Принимая во внимание положение Другого в колониальном контексте, Э. Саид в монументальном труде «Orientalism» (1978) указывает на принципиальную сконструированность образа «восточного человека», угнетаемого на основе как расовых, так и культурных отличий [18]. Афроамериканец обычно играет роль того самого «Другого», с которым нужно бороться. В романе Дженни – «Другая» для обеих сторон этой бинарной оппозиции: она метиска, не является чистым представителем расы, будь то с белой кожей или тёмной. Внешне она не имеет характерных черт афроамериканки (жёсткие кучерявые волосы, тёмная кожа). «Janie's coffee-and-cream complexion and her luxurious hair» [16, с. 183] привлекательны для мужчин в силу своей инаковости. С детства имея кличку Alphabet, она не понимает своего отличия от детей с белым цветом кожи, тогда как этот код является основополагающим для раба: «Ah looked at de picture a long time and seen it was mah dress and mah hair so Ah said: “ ‘Aw, aw! Ah'm colored!’ “Den dey all laughed real hard. But before Ah seen de picture Ah thought Ah wuz just like de rest”» [16, с. 41]. Кроме того, женщина становится Другой для общества, так как отрицает устоявшиеся стереотипы и находится в поиске «своего горизонта». Другая становится Чужой, когда её выгоняют из родного города.

Расовые противоречия не являются фокусом нарратива Дженни, хотя, бесспорно, этот вопрос волнует и её. Инаковость цветной расы показана в эпизоде, где Ти Кейк помогает хоронить умерших после урагана: «“They makin' coffins fuh all de white folks. 'Tain't nothin' but cheap pine, but dat's better'n nothin'. Don't dump no white folks in de hole jus' so.” “Whut tuh do 'bout de colored folks? Got boxes fuh dem too?” “Nope. They cain't find enough of 'em tuh go 'round. Jus' sprinkle plenty quick-lime over 'em and cover 'em us.” “Shucks! Nobody can't tell nothin' 'bout some uh dese bodies, de shape dey's in. Can't tell whether dey's white or black”» [16, с. 217]. Даже после смерти афроамериканцы – иные по отношению к белокожему населению.

Другой вариант расовой дискриминации показан в описании миссис Тёрнер: «Anyone who looked more white folkish than herself was better than she was in her criteria, therefore it was right that they should be cruel to her at times, just as she was cruel to those more negroid than herself in direct ratio to their negroness. Like the pecking-order in a chicken yard. Insensate cruelty to those you can whip, and groveling submission to those you can't» [16, с. 188]. Она ненавидит Ти Кейка за то, что его кожа слишком тёмная для брака с метиской. Отрицая свою привилегированность исключительно из-за внешней схожести с европейской расой, Дженни подвергает сомнению подчинённое положение своей расы изнутри.

Таким образом, категория инаковости в романе «Their Eyes Were Watching God» реализуется как на языковом уровне произведения, выражаясь в

противопоставлении афроамериканского вернакуляра и литературного английского языка, так и на уровне системы персонажей. Дженни выступает как «Другая» в таких бинарных оппозициях, как мужчина/женщина, белокожая раса / темнокожая раса, имеющая голос / не имеющая голос. Диалог между Я и Другим является основой романа. Он используется З. Н. Херстон для создания качественного иного осмысления положения женщины-афроамериканки в обществе.

Библиографические ссылки

1. Лифинцева Т. П. Философия диалога Мартина Бубера. М. : Институт философии РАН, 1999.
2. Бубер М. Два образа веры. М. : Республика, 1995.
3. Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб. : Наука, 1998.
4. Левинас Э. Время и другой. Гуманизм другого человека. СПб. : Изд-во ВРФШ, 1998.
5. Марсель Г. Быть и иметь. Новочеркасск : САГУНА, 1994.
6. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М. : Республика, 2000.
7. Делез Ж. Мишель Турнье и мир без другого // М. Турнье. Пятница, или Тихоокеанский лимб. – СПб. : Амфора, 1999.
8. Деррида Ж. Введение // Э. Гуссерль. Начала геометрии. М. : Ad Marginem, 1996.
9. Лакан Ж. Семинары. Кн. II : «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа. М. : Гнозис, Логос, 1999.
10. Фуко М. Герменевтика субъекта : Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году. СПб. : Наука, 2007.
11. Феррони В. В. Три лика другого: «Другой», «Иной», «Чужой» // Вестник ВГУ, 2012. №1. С. 112–130.
12. Половцев Д. О. Инаковость как философско-литературная категория // Вестник МГЛУ, 2006. Вып. 4 (24). С. 74–80.
13. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М. : Художественная литература, 1972.
14. Spivak G. Can The Subaltern Speak? // C. Nelson. Marxism and the Interpretation of Culture. London : Macmillan, 1988. P. 271–313.
15. Бовуар С. Второй пол. М. : Прогресс; СПб : Алетея, 1997.
16. Hurston Z. N. Their Eyes Were Watching God. New York : Virago Press, 1986.
17. Azzam J. H. The Alien Within: Postcolonial Gothic and the Politics of Home. Pennsylvania : University of Pittsburgh, 2007.
18. Said E. W. Orientalism. New York : Pantheon, 1978.